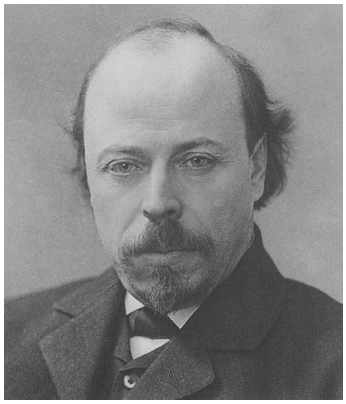
Отрок Варфоломей. Начало Пути



Михаил Васильевич Нестеров
(1862 – 1942)

«В искусстве нашем меня всегда больше привлекала не внешняя красота, а внутренняя жизнь и красота духа!»
М.В. Нестеров

31 мая (19 по ст. ст.) 2014 года исполняется 152 года со дня рождения Михаила Васильевича Нестерова, одного из крупнейших русских живописцев конца XIX – первой половины XX века.

Каждая картина этого необычного мастера становилась событием в искусстве. Вокруг его произведений разгорались споры самых горячих его поклонников и не менее страстных противников. Избрав в искусстве путь "поэтизированного реализма", Михаил Васильевич Нестеров создавал картины-гимны, картины-песни, а "людей духовного подвига" всегда писал особенно любовно.

М.В. Нестеров, как и Ф.М. Достоевский, верил, что для России спасение "из народа выйдет, из веры и смирения его", и на своих полотнах стремился утвердить реальный нравственный идеал, в поисках которого часто обращался к прошлому России. И нашел этот идеал в Сергии Радонежском – основателе Троице-Сергиева монастыря, в миру носившем имя Варфоломея.

"Жил я своим художеством, – писал М.В. Нестеров, – и, худо ли, хорошо ли, прожил жизнь с кистью в руке". Известность к нему пришла после картины "Видение отроку Варфоломею".

Будущий художник родился 31 мая 1862 года в городе Уфе. По семейным преданиям, Нестеровы происходили из новгородских крестьян, в давние времена переселившихся на Урал.

Еще мальчиком Михаил Нестеров начал рисовать, но никто в семье не думал, что он будет художником. Отец хотел дать сыну техническое образование. Он отвез Михаила в Москву и определил его в реальное училище. Однако интерес к рисованию не прошел, и Михаил продолжал с увлечением рисовать.

Однажды он попал на выставку передвижников. "Мне было, – рассказывал М.В.Нестеров, – четырнадцать лет, и я совершенно был ошеломлен виденным там. Особенно остались в моей памяти "Украинская ночь" Куинджи, перед которой была все время густая толпа совершенно пораженных и восхищенных ею зрителей...".

После посещения выставки заветной мечтой Михаила Нестерова стало поступление в Училище живописи, ваяния и зодчества, в котором в то время преподавали известные передвижники: В.Г. Перов, А.К. Саврасов, И.М. Прянишников. Мечта сбылась в 1877 году, и Нестеров вошел в круг учеников Перова.

Через несколько лет стремление получить более широкую профессиональную подготовку привело Нестерова в Петербургскую Академию художеств, где его наставниками стали "всеобщий педагог русских художников" П.П. Чистяков и знаменитый И.Н. Крамской. Творческий поиск, внутренняя неудовлетворенность заставили Нестерова вновь вернуться в Москву. Он продолжает учиться, входит в Товарищество передвижных художественных выставок.

Нестеров М.В. Видение отроку Варфоломею. Эскиз. 1889 г., ГТГ

Пробуя силы своего таланта в бытовом и историческом жанрах, М.В. Нестеров постепенно обретает свой собственный путь. Он обращается к сфере духовной жизни русского народа. И в 1889 году на очередной передвижной выставке появляется его картина "Пустынник", сразу привлекшая к себе внимание. П.М. Третьяков приобрел ее в свою галерею. Это позволило М.В. Нестерову совершить путешествие по городам Европы.

Париж поразил Нестерова своим оживлением, на каждом шагу жизнь била ключом. Масштабы Лувра и Всемирной выставки 1889 года были грандиозны. В залах были представлены выдающиеся произведения живописи, многие из которых уже завоевали всемирную славу. Но из всего этого огромного разнообразия произведений, среди которых было много образцов блестящего мастерства, Нестерова увлекали только немногие вещи, отмеченные более глубоким настроением.

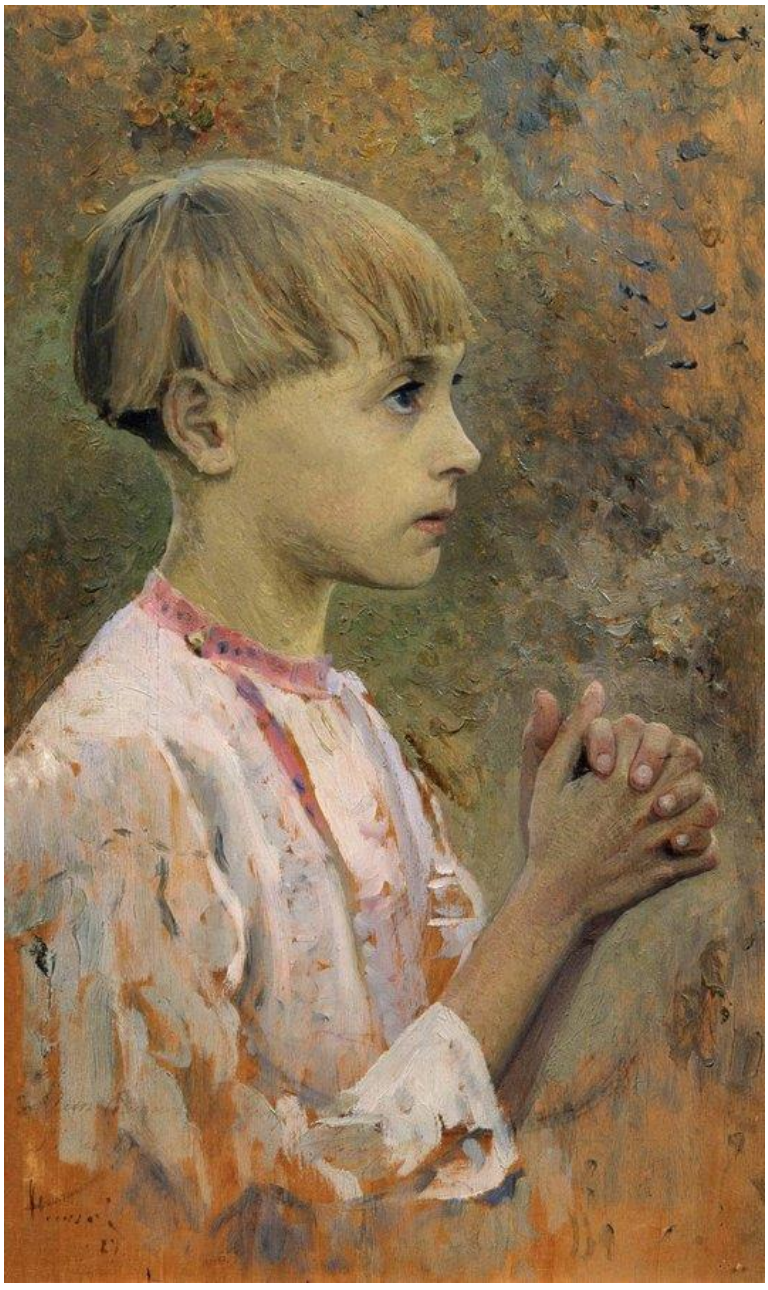
Понравились ему произведения Пюви де Шаванна, Реньо, Жюля Бретона и некоторых других художников. Но наиболее сильное впечатление оставили в нем картины Бастьен-Лепажа[1]. Они настолько подействовали на Нестерова, что он часами простаивал около них.

Лучшей же картиной Бастьен-Лепажа, увиденной на выставке, для М.В. Нестерова стала "Жанна д'Арк"[2]. "Как она исполнена, сколько любви к делу, какое изучение, не говоря о настроении, глаза Жанны д'Арк действительно видят что-то таинственное перед собой. Они светло-голубые, ясные и тихие. Вся фигура, еще не сложившаяся, полна грации, простой, но прекрасной, она как будто самим богом отмечена на что-то высокое. Словом, где ни ходишь, а к ней вернешься..." – писал Нестеров родным. Эта работа, где, по словам живописца, "задача созерцания, внутреннего видения передана со сверхъестественной силой", была в то время особенно близка Нестерову, так как по своей теме и настроению перекликалась с задуманным им "Видением отроку Варфоломею". Действительно, в обеих картинах был изображен момент внутреннего просветления, связанного с божественным видением и осознанием героем своей будущей миссии. Художник признавался, что постепенно стал относиться к "Жанне" как к реальному, живому человеку, а, уезжая, простился с ней...

М.В. Нестеров и впоследствии сохранил любовь к Бастьен-Лепажу. Он вспоминал: "Я старался постичь, как мог Бастьен-Лепаж подняться на такую высоту... Весь эффект, вся сила Жанны д'Арк была в ее крайней простоте, естественности и в том единственном и никогда не повторяемом выражении глаз пастушки из Дом Реми: эти глаза были особой тайной художника, они смотрели и видели не внешние предметы, а тот заветный идеал, ту цель, свое призвание, которое эта дивная девушка должна была осуществить".

Картина "Видение отроку Варфоломею" была задумана Нестеровым как живописное воплощение предания, повествующего о жизни основателя Троице-Сергиевой Лавры, Преподобного Сергия Радонежского, и открывала целый цикл работ 90-х годов. Примечательно, что вскоре после окончания картины «Видение отроку Варфоломею» мастер задумал "Прощание Дмитрия Донского с Преподобным Сергием". Еще раньше, в 1888 году, он сделал эскиз на тему "Видение Минину Преподобного Сергия". Эти вещи определили его творческий путь. Видимо, мысль о духовном сплочении русского народа перед лицом грозной опасности входила как один из основных моментов в представление художника о Сергии Радонежском, бывшем для него воплощением идеала чистой и подвижнической жизни. В 1892 году широко отмечалось 500-летие со дня смерти Преподобного Сергия, что способствовало замыслам художника. К тому же Нестеров часто жил около Троице-Сергиевой Лавры, где и были созданы эти картины.

Первой из цикла, посвященного Сергию Радонежскому, была картина "Видение отроку Варфоломею". Явление таинственного монаха-инока смиренному отроку с предсказанием его грядущей духовной миссии – эпизод, взятый художником из "Жития Преподобного Сергия", составленного его учеником Епифанием Премудрым. Предание гласило, что отрок Варфоломей, посланный однажды искать пропавших лошадей, в этих поисках зашел далеко от дома, и в лесу ему явился старец-схимник. Варфоломей, которому трудно давалась грамота, просил старца указать ему путь к учению и получил благословение инока.



Нестеров М.В. Отрок Варфоломей. 1889. Этюд к картине "Видение отроку Варфоломею". ГТГ

Эта сцена, когда перед очами отрока появляется фигура благословляющего его святого старца, поразила М.В. Нестерова силой своего настроения. В воображении его тотчас нарисовался этот мальчик с бледным лицом и нездешними, неземными глазами. И рядом с ним призрачная темная фигура схимника, вдруг отделившаяся от такого же темного ствола большого крепкого дуба.

Нестеров М.В. Дуб. 1889. Этюд к картине "Видение отроку Варфоломею". Частное собрание

Нестеров М.В. Отрок Варфоломей. 1889. Эскиз к картине "Видение отроку Варфоломею". Киевский государственный музей русского искусства

Во время пребывания М.В. Нестерова под Троицей, а затем у Мамонтовых в их уютном Абрамцеве, картина начала приобретать все более определенные очертания, и художник принялся за этюды к ней. Пейзаж нашелся довольно быстро. Это была опушка одного из абрамцевских перелесков. "Как-то, – вспоминал он, – с террасы абрамцевского дома моим глазам представилась такая... русская красота: слева лесистые холмы, под ними извивается аксаковская Воря, там где-то розовеют дали, вьется дымок, а ближе капустные, малахитовые огороды. Справа золотистая роща. Кое-что изменить, добавить и фон для "Варфоломея" такой, что лучше не придумаешь. Я принялся за этюд, он удался и я, глядя на этот пейзаж, проникся каким-то чувством его подлинной "историчности".

Художник работал с большим воодушевлением и в то же время с огромной требовательностью к себе, проверяя каждую деталь картины на натуре. Терпеливо выписывал каждую веточку и былинку. Например, до самых точнейших подробностей он разработал этюд дуба, около которого стоит схимник. Уже в этюде была прекрасно передана мощь векового дерева, могучий ствол которого не могли сломать никакие бури и грозы. От времени его кора только потемнела и выглядела как надежная броня дерева-великана. И на этом же стволе – нежные зеленые листочки, а у подножия дуба – молодая рябина, склоненные травы и былинки.

На фоне лесов и полей на переднем плане картины стоят две фигуры – мальчика и явившегося ему под деревом святого в одежде схимника. Юный отрок весь застыл в трепетном восторге, широко открытые глаза его не отрываясь смотрят на видение. В этом состоянии готовности к подвигу художник раскрывает перелом, совершающийся в отроке Варфоломее и предвещающий будущую историческую деятельность Сергия. "Чарующий ужас сверхъестественного, – писал А. Бенуа, – редко был передан в живописи с такой простотой и убедительностью. Есть что-то очень тонко угаданное, очень верно найденное в фигуре чернеца, точно в усталости прислонившегося к дереву и совершенно закрывшегося своей мрачной схимой. Но самое чудное в этой картине – пейзаж, донельзя простой, серый, даже тусклый и все-таки торжественно-праздничный. Кажется, точно воздух заволочен густым воскресным благовестом, точно над этой долиной струится дивное пасхальное пение".

Нестеров М.В. Видение отроку Варфоломею. 1889–1890 гг., ГТГ

Закончив картину, Нестеров показал ее Левитану, Сурикову, Остроухову, Архипову, Степанову – всем она понравилась. П.М. Третьяков, не дожидаясь передвижной выставки, для которой предназначалась картина, оставил ее за собой. Это была уже вторая картина молодого художника, приобретенная для знаменитой галереи.

Но на выставке в Петербурге картина Нестерова вызвала острые споры. Увидев в работе прямой отход от идейных основ передвижников, ряд крупных представителей Товарищества выступил против нее. И даже обратились к Третьякову с просьбой не покупать картину. Выслушав в день открытия выставки резкие суждения о работе, Третьяков ответил: "Если бы я картину Нестерова не купил раньше, то, уверяю вас, купил бы ее после всего того, что слышал сегодня от вас".

Отзывы собратьев огорчили и задели Нестерова. Сам художник говорил о своей картине: "Она писалась как легенда, как стародавнее сказание, шла от молодого, пораненного сердца, была глубоко искренна...".

Та же история с другой картиной Нестерова произошла позднее в Нью-Йорке на выставке русского искусства. Упоминая об этом "неладном" случае, Николай Константинович Рерих писал: "Неуместны всякие унижающие "случаи". Наоборот, около искусства должны выявляться высокие чувства, должно создаваться ведущее начало жизни улучшенной, жизни прекрасной"[3].

Вот как характеризовал творчество Нестерова наш современник, Дементий Андреевич Шмаринов на вечере, посвященном памяти М.В. Нестерова в Российской Академии художеств, в 1992 году:

"Он начинал как передвижник с характером обличительным, сатирическим. Впоследствии он от этого жанра отошел, а ведь бороться с устоявшимися вкусами всегда очень трудно. Сам он писал: "...Быть может, мое призвание не образа, а картины, живые люди, живая природа, пропущенные через мои чувства, словом, "поэтизированный реализм". Этот жанр трудно ему давался. ...Мы уже говорили о том, как была не понята его гениальная картина "Видение отрока Варфоломея". Его обвиняли в мистицизме, церковности, модернизме и еще Бог знает в чем... Вот его собственные слова: "Единая душа человека и природы, его окружающей, – взаимная необходимость. Это единение души создается едиными действиями, цельностью впечатлений, кои поражают у наших великих мастеров Возрождения. Я избегал изображать сильные страсти, предпочитая им наш тихий пейзаж, человека, живущего внутренней жизнью". Его герои – люди духовного подвига. Его картины – "Пустынник", "Отрок Варфоломей", "Великий постриг", "Сергий Радонежский" и другие – подтверждают это... Рассказывают, что в Третьяковскую галерею он ходил инкогнито, чтобы убедиться, что его "Отрок" жив, что принимается народом. Это была его любимая работа".

Взаимоотношения между М.В. Нестеровым и П.М. Третьяковым, не купившим после приобретения "Видения отроку Варфоломею" ни одной картины художника, складывались непросто. Однажды Нестеров написал своим близким: "Давнишней мечтой моей было, чтобы все картины "из жизни Преподобного Сергия" были в Москве и в галерее". И принимает решение передать основные картины цикла в дар Третьякову, который принял этот дар и неоднократно благодарил "за сочувствие к делу".

О своих картинах из жизни Сергия Радонежского М.В. Нестеров говорил: "Зачем искать истории на этих картинах? Я не историк, не археолог. Я не писал и не хотел писать историю в красках... Я писал жизнь хорошего русского человека XIV века, лучшего человека древних лет Руси, чуткого к природе и ее красоте, по-своему любившего родину и по-своему стремившегося к правде".

Тема Преподобного Сергия не оставляла художника. Исследователи творчества Н.К. Рериха справедливо говорят, что М.В. Нестеров и Н.К. Рерих практически одновременно в начале 30-х годов создали картины, посвященные Сергию Радонежскому, представив его как верного защитника земли русской. Оба художника, находясь в разных уголках земного шара и не имея возможности сообщаться друг с другом, вновь обращаются к личности одного из самых любимых и почитаемых святых на Руси. У Нестерова, как и у Рериха, обращение к образу Сергия также было вызвано предчувствием военной угрозы. Об этом говорит его воззвание, написанное в октябре 1941 года: "В грозные часы истории Москва как символ, как народная хоругвь собирала вокруг себя лучших своих сынов. Более пятисот лет назад в ее пределах явился восторженный отрок, затем юноша, а позднее мудрый

старец. Его знала земля московская от Дмитрия Донского до последнего крестьянина, верила ему – то был Сергий Радонежский. Куликовское сражение решило судьбу Москвы, а с ней и народа московского...".

Нестеров М.В. Юность Преподобного Сергия Радонежского. 1892–1897. ГТГ

Нестеров М.В. Юность Сергия. 1891. Этюд к картине "Юность Преподобного Сергия"
Самарский художественный музей

Нестеров М.В. Отрок Варфоломей. 1889 (?).
Национальный музей Грузии

Нестеров М.В. Преподобный Сергий Радонежский. 1891–1899.
Государственный Русский музей

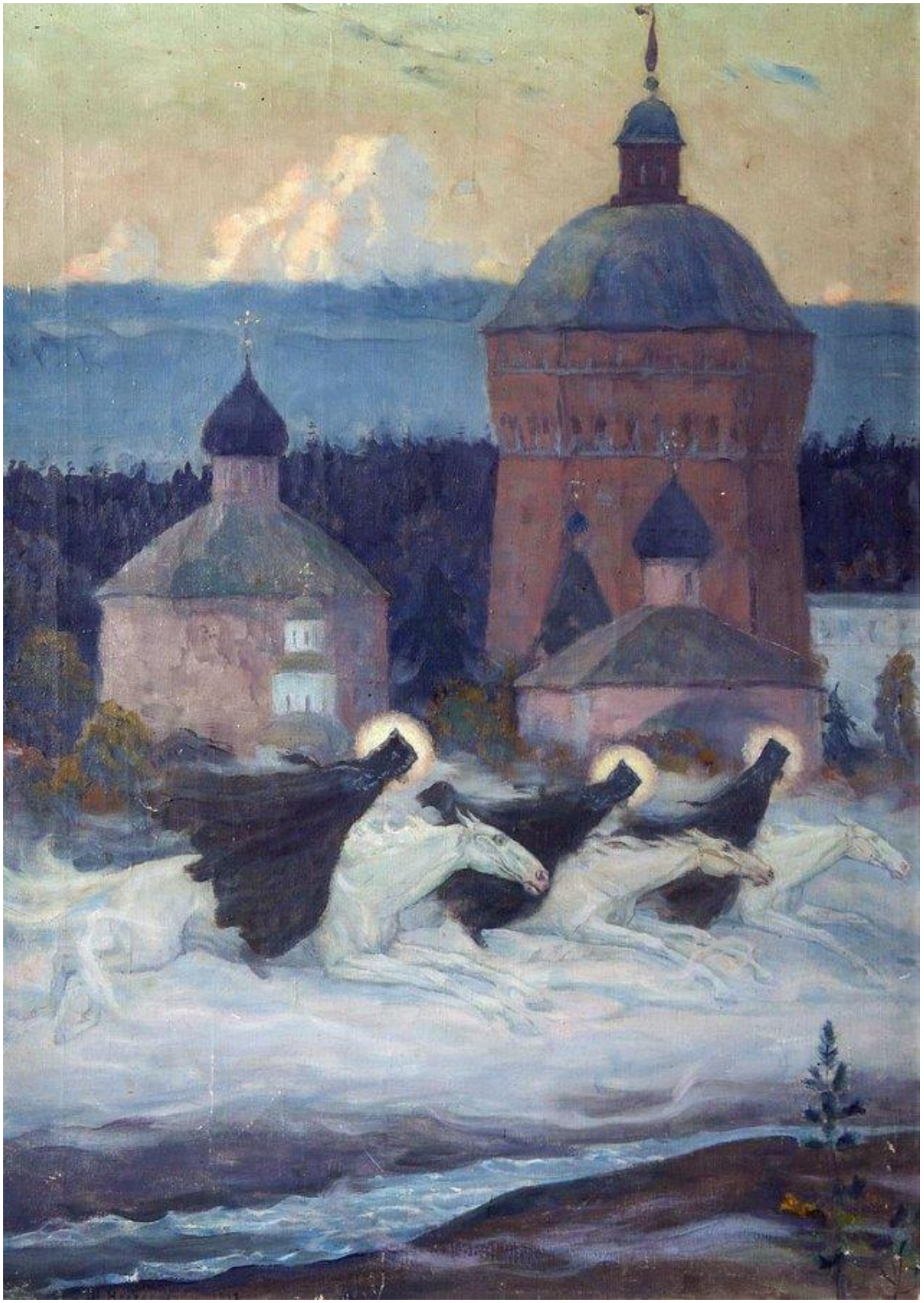
Во втором цикле картин М.В. Нестерова, посвященных Сергию Радонежскому, тихая созерцательность, отрешенность от мира земного уступает место активному действию, ибо этого требует само время. Главная идея этих произведений – "Оборона Родины есть великое святое дело". Поэтому молитвой и бодрым бдением неустанно, как и раньше, охраняют покой родной земли Святой Сергий и его небесные воины.

Догоняя войско Дмитрия Донского, стремительно "летят" на своих конях два витязя-инока ("Пересвет и Ослябя", 1932, частное собрание, Прага), с важной вестью мчится куда-то нестеровский гонец ("Гонец", 1930-е, Белорусский национальный художественный музей). В слаженном ритме, подчиняясь единому духовному порыву, бесшумно проносятся в утреннем тумане дивные старцы Михей, Наум и Варфоломей ("Небесные всадники", 1932, ЦАК). Изображенный Нестеровым сюжет сказания Авраамия Палицына о чудесных гонцах, посланных преподобным Сергием с вестью от осажденной поляками Троицкой Лавры, 16

месяцев героически закрывавшей путь интервентам на Москву, как и две другие картины из этого цикла, звучит как символическое пророчество художника о грядущих испытаниях, как его твердая вера в настоящее и будущее России, находящейся под незримой защитой Высших Сил. И сам Святой Сергий тоже садится на коня, чтобы нести верхом незримый дозор, оберегая покой родной земли ("Дозор. Сон послушника", 1932, ЦАК, Сергиев Посад).

Нестеров М.В. Святые воины Пересвет и Ослябя. Начало 1920-х

Нестеров М.В. Христос, благословляющий отрока Варфоломея. 1926.
Церковно-археологический кабинет Духовной академии. Сергиев Посад



Нестеров М.В. Всадники. Небесные защитники.1932.
Эпизод из истории осады Троице-Сергиевой Лавры
Церковно-археологический кабинет Духовной академии. Сергиев Посад

Когда в 1942 году М.В. Нестерову исполнилось 80 лет, московские художники писали своему собрату в юбилейном приветствии: "В грозные дни Отечественной войны Ваш яркий талант и искусство, полные веры в силу, мощь родного народа, особенно нужны и ценны нашей Родине".

Творчество каждого художника неповторимо, как неповторима и его жизнь. Долгий и многотрудный путь, который прошел М.В. Нестеров, был наполнен постоянными творческими исканиями. Полотна М.В. Нестерова украшают стены Третьяковской галереи,

Государственного Русского музея, художественных музеев многих городов, рассеяны в частных коллекциях и церковных собраниях. Много раз переиздавались мемуары, воспоминания, письма художника, написанные живо и образно. Как и картины, это дневник его жизни.

Нестеров М.В. Преподобный Сергий Радонежский. 1899–1900.
Эскиз росписи пилона церкви во имя благоверного князя Александра Невского
Государственный Русский музей

"**Михаил Васильевич Нестеров.** Один из самых прекрасных, строго-прекрасных русских людей, встреченных мною за всю жизнь… – говорил В.В. Розанов. – Я думаю – он вполне исторический человек. Одухотворение, несущееся из его картин, никогда не забудется. Он создал "стиль Нестерова", и тот стиль никогда не повторится".

Источники:

М. Нестеров // Галерея искусств, 2006, № 34.

Никонова И.И. Михаил Васильевич Нестеров. М.: Издательство «Искусство», 1972.

Рерих Н.К. Случаи // Н. Рерих. Листы дневника. Т.3. М.: Международный Центр Рерихов, Мастер-Банк, 1996. – С. 163.

Беликов П., Князева В. Рерих. М.: Молодая гвардия, 1972. – С. 212. – Серия «Жизнь замечательных людей».

Толстой Андрей. Что французу хорошо, то русскому... еще лучше?! // Новая Юность, 2002, № 1 (52). Интернет-портал «Журнальный зал», URL: http://magazines.russ.ru/nov_yun/2002/1/tolst.html

Полякова Е.И. Николай Рерих. М.: Искусство, 1985. С. 100.

"Жить буду не я – жить будут мои картины": Стенограмма вечера, посвященного памяти М.В. Нестерова в Российской Академии художеств, Москва, 20 октября 1992 года. URL: http://www.clow.ru/a-moscow/1/1/arbat10_1_1.html

Соболевская Светлана. Вечер, посвященный Третьяковской галерее. URL: http://www.museum.ru/N27689

Хасанова Э.В. Религиозная проблематика в живописи М. В. Нестерова советского периода // Известия Уральского гос. ун-та. № 35(2005). Гуманитарные науки. Выпуск 9. Искусствоведение.

Хасанова Э.В. Певец веры и души народной. К 140-летию со дня рождения М. В. Нестерова (1862–1942) // Рампа: культура и искусство Башкортостана. – 2002. – № 7–8. – С. 6–7.

Примечания:

[1] Жюль Бастьен-Лепаж (1848–1884). В одном из залов французской живописи Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина висит картина "Деревенская любовь" (1882) Жюля Бастьен-Лепажа. Когда-то она находилась в коллекции С. М. Третьякова, который собирал полотна французских мастеров. К Третьякову на Пречистенский бульвар спешила художественная молодежь Москвы посмотреть "французов". Среди них часто бывали еще мало кому известные В.А. Серов и М.В. Нестеров. "Я каждое воскресенье хожу туда смотреть "Деревенскую любовь", – признавался Серов.

[2] Картина Бастьен-Лепажа "Жанна д'Арк" (1879), находится в Музее Метрополитен в Нью-Йорке.

[3] Рерих Н.К. Случаи // Н.К. Рерих. Листы дневника. Т.3. М.: Международный Центр Рерихов, Мастер-Банк, 1996. С. 163. О личном знакомстве М.В. Нестерова и Н.К. Рериха существует немало свидетельств. Е.И. Полякова в книге «Николай Рерих» приводит такой факт. В 1906 году Нестеров поздравлял Рериха с назначением на пост директора Школы Общества поощрения художеств. Михаил Васильевич надеялся, что Рерих будет проводить там "жизненные идеи искусства": "Вопрос, что надо делать, – подчинить ли искусство ремеслу или, наоборот, ремесло возвысить до искусства, становится теперь обостренным и надо без колебаний решить его в пользу последнего принципа, что, думаю, и удастся Вам при обычной Вашей энергии сделать".

Подготовила Лидия Маркелова,
Украина, Киев